

Н.И. Ашмарин

**Очерк литературной
деятельности казанских
татар мохаммедан за
1880-1895 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.И. Ашмарин**
Очерк литературной деятельности казанских татар мохаммедан за 1880-1895 гг. /
Н.И. Ашмарин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-6121-6

ISBN 978-5-4241-6121-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ редактора.

Николай Ашмаринъ, въ настоящее время извѣстный ужъ многими работами по языку и этнографіи приволжскихъ народовъ, окончилъ курсъ Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ въ 1894 году по первому разряду и для полученія диплома долженъ былъ представить въ Совѣтъ Спеціальныхъ Классовъ, согласно § 164 устава, сочиненіе на заданную тему; сочиненіе это теперь и печатается. Тема была дана Н. Ашмарину С. Е. Саковымъ, профессоромъ турецкаго языка въ Спеціальныхъ Классахъ Института. Свой „Очеркъ“ г. Ашмаринъ снабдилъ слѣдующимъ введеніемъ:

„Въ этомъ сочиненіи я намѣренъ дать небольшой обзоръ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ за послѣднія пятнадцать лѣтъ. При этомъ я буду разсматривать преимущественно тѣ произведенія, которыя имѣютъ болѣе или менѣе самобытный характеръ, такъ-какъ очень многія татарскія книги, печатающіяся въ Казани, представляютъ собою простые переводы или передѣлку сочиненій, написанныхъ на другихъ восточныхъ языкахъ.

„Хотя у насъ нѣтъ подъ руками историческихъ свѣдѣній о возникновеніи книжнаго дѣла среди казанскихъ мусульманъ,

однако можно сказать съ увѣренностью, что оно явилось здѣсь благодаря насущной потребности каждаго грамотнаго мохаммеданина имѣть въ рукахъ книги религіознаго содержанія, между которыми главное мѣсто занимаетъ Коранъ, ежегодно печатающійся въ Казани въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Въ священныхъ преданіяхъ ислама говорится, что нѣтъ добра въ томъ домѣ, въ которомъ нѣтъ этой священной книги (ان اصفر البيوت من الخبز البيت الصفر من كتاب الله تعالى). Каждый право-вѣрный, разъ онъ грамотенъ, читаетъ Коранъ въ подлинникѣ, даже если совершенно не понимаетъ арабскаго языка, а только умѣетъ на немъ читать.

„Послѣ Корана выходятъ въ большомъ количествѣ книги богословскаго и религіозно-нравственнаго содержанія, жизнеописанія пророковъ и святыхъ, нѣкоторыя въ прозѣ, другія въ стихахъ. Большая часть этихъ сочиненій заимствуетъ свое содержаніе изъ иноземныхъ (арабскихъ и турецкихъ) источниковъ; то же самое можно сказать и о произведеніяхъ свѣтскаго характера: многихъ повѣстяхъ, разсказахъ, нравоучительныхъ сборникахъ, матеріалъ для которыхъ берется преимущественно изъ сказаній и легендъ, завѣщанныхъ былыми славными временами востока.

„Кромѣ книгъ на родномъ языкѣ татары могутъ пользоваться также произведеніями турецкихъ писателей, такъ-какъ нарѣчіе османлы очень близко къ литературному татарскому языку. Въ видѣ примѣра можно указать на Мухаммедіея, поэму турецкаго поэта Языджи, которая очень популярна и у насъ, далеко отъ своей родины.—

Въ отдѣльномъ письмѣ къ С. Е. Сакову г. Ашмаринъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Большимъ неудобствомъ при моей работѣ была трудность пріискиванія и

пріобрѣтенія татарскихъ сочиненій, полное отсутствіе предшественныхъ работъ по Казанской литературѣ и то обстоятельство, что до сихъ поръ не существуетъ полного татарскаго словаря, какъ не существуетъ и порядочной грамматики этого языка. Къ этому нужно еще прибавить, что татарскій языкъ раздѣляется на много говоровъ: قازان تلی — казанскій говоръ; قازان آرتی تلی — говоръ, который слышенъ за Казанью, къ сѣверу; تالوجانی تلی — рѣчь нагорнаго берега Волги; میشار تلی — мишарскій говоръ; — всѣ эти говоры отличаются другъ отъ друга произношеніемъ и нѣкоторыми словами, такъ-что иногда въ татарскихъ книгахъ попадаются выраженія, которыя понятны не всѣмъ татарамъ; въ этомъ мнѣ приходилось убѣждаться лично“.

С. Е. Саковъ, рецензируя представленную работу, въ засѣданіи Совѣта профессоровъ Спеціальныхъ Классовъ 4-го октября 1895 года, отмѣтилъ многочисленныя достоинства „Очерка“ г. Ашмарина, а когда Институтомъ было предпринято съ 1899-го года изданіе ряда „Трудовъ по востоковѣдѣнію“, предложилъ Совѣту включить этотъ „Очеркъ“ въ серію изданій, что и было Совѣтомъ принято. По недостатку времени С. Е. Саковъ не могъ лично заняться редактированіемъ печатаемой книги, и эта работа возложена была на меня.

Редактированіе мое отчасти касалось простого исправленія стили, но главнымъ образомъ оно сводилось къ устраненію тѣхъ или другихъ поспѣшныхъ сближеній и истолкованій въ области филологіи и этнологіи, которыя я не могъ признать научными и отъ которыхъ самъ авторъ, тогда недавно лишь окончившій курсъ студентъ, теперь навѣрное отказался бы. Устранены были мною также нѣкоторые по-

бочные экскурсы, мало умѣстные въ изданіи академическаго характера, — напр., сопоставленіе татарской народной поэзіи съ западно-европейскимъ декадентствомъ.

Въ дѣлѣ чтенія типографскихъ корректуръ, которое въ Москвѣ, при недостаткѣ специально-восточныхъ типографій, не можетъ совершаться безъ серьезныхъ затрудненій, немало-важную помощь оказалъ мнѣ В. А. Гордлевскій, окончившій курсъ въ нашемъ же Институтѣ. Внесенныя имъ справочно-библиографическія примѣчанія (на стр. 23-й и 36-ой) и предложенная имъ гипотеза о значеніи *كۈرى* (стр. 32) обозначены инициалами *Вл. Г.*

А. Крымскій.

Татарскій литературный языкъ.

Подобно другимъ тюркамъ, татары не пишутъ на чистомъ народномъ языкѣ. Въ ихъ книжной рѣчи встрѣчается масса арабскихъ и персидскихъ выраженій, часто только мѣшающихъ изяществу и толковости языка. Литературный языкъ казанскихъ татаръ представляется намъ кромѣ того страннымъ смѣшеніемъ нѣсколькихъ тюркскихъ нарѣчій; въ немъ мы видимъ на ряду съ собственно татарскими формами особенности, свойственныя джагатайскому и турецкому (т. е. османскому) языку, которыя усвоены путемъ заимствованія и подражанія.

Такъ, въ склоненіи попадаетъ джагатайское окончаніе исходнаго падежа *دين* вмѣсто татарскаго *دان*. Также встрѣчаются формы: *بن* — я, вмѣсто *من*; *آنکا* вм. *آنکار* — ему; *بوننک*, *بونى* вм. *موننک*, *مونى* — этого; *ايله*, *بولای*, *شولای* — такъ; *شويله*, *شويله* вм. *داى* — подобно; *داق*, *ديک* — *بلن* *بلان* татарскаго *برله* вм. *برلان*, *ايلان* — съ.

Изъ глагольныхъ формъ заимствованы: окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *ماک*, *ماق*, причастія будущаго времени *چк*, *چق*, прошедшаго — *مش*. Всѣ эти формы мало употребительны въ разговорной рѣчи.

Здѣсь не лишне замѣтить также ту особенность татарской письменности, что различные татарскіе авторы пишутъ различнымъ языкомъ: одинъ болѣе подражаетъ джагатайскимъ произведеніямъ, другой копируетъ османскую рѣчь, третій придерживается народнаго татарскаго языка.

«Нашъ языкъ, который въ настоящее время называется татарскимъ», говорятъ Габдулъ Байумъ Насыровъ въ своемъ сочиненіи *فواکه الجلساء*

(Плоды Собесѣдниковъ), «по своему происхожденію представляетъ одну изъ отраслей джагатайскаго языка и самъ по себѣ является языкомъ, основаннымъ на опредѣленныхъ правилахъ и законахъ. Джагатайскій языкъ имѣеть много развѣтвленій, но татарскій языкъ въ сравненіи съ прочими нарѣчіями во многихъ отношеніяхъ имѣеть съ нимъ болѣе сходства.

«Такъ какъ татарскій языкъ не обиленъ словами и отдѣльными реченіями, то были сдѣланы заимствованія изъ арабскаго и персидскаго языковъ, и теперь онъ представляетъ собою самостоятельный и обработанный языкъ.

«Выраженія, заимствованныя съ арабскаго и персидскаго, встрѣчаются не только въ видѣ отдѣльныхъ реченій, но иногда даже цѣлыхъ конструкций. Напримѣръ, выраженіе *خدا بنده* въ персидскомъ языкѣ составляетъ опредѣленіе и опредѣляемое; въ нашемъ языкѣ также бывають случаи, когда употребляется *خدا بنده*, но по правиламъ нашей рѣчи нужно сказать *خداى نك بندهسى* и т. п.

«Нѣкоторыя арабскія слова остались при своемъ первоначальномъ склоненіи, каковы напр. *خصوصا* (въ особености), *بناء* (основываясь на...), *دفعه* (сразу), и иногда арабское множественное употребляется у насъ, какъ единственное, напр. *علمالار* — ученые, улемы, *اوليالار* — святые.

«Если мы посмотримъ внимательно на нашъ языкъ, то увидимъ, что различнаго рода стихотворенія, изреченія и загадки, существующія на немъ, сочиняются очень правильнымъ размѣромъ и, что благодаря персидскимъ и арабскимъ выраженіямъ татарскій языкъ не уступаетъ другимъ въ краснорѣчіи и способности выражать мысли, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже обладаетъ болѣе значительными особенностями, напр. въ глаголахъ».

ایمدی زمانمزدہ تانارچه دیکان تلمز اصل چغتای تلی ننگ بر شعبه سی بولوب
فی نفسہ قواعد و اصولی منتظم بر تندر چغتای تلی ننگ کوب شعبه سی بولوب
باشقہلارینه قاراغانده تانار تلی چغتای تلنه کوب خصوصده موافقراکدر * لکن
تانار تلی ننگ الفاظ ومفردات جهتندن وسعتی یوقلق سبیلی عرب وفارسی تلرلرندن
استعانہ واقتباس قیلنوب مستقل کامل بر تندر * اما عربدن وفارسی دان آونغان
کلهلر فقط لفظی غنه توکل بلکه کاها بهض اصول ترکیبیه سی دخی آونمشدر
مثلا بنده خدا فارسی تلنده مضاف مضاف الیه کلمه لر در تلمزده اوشانداق

بندهء خدا. استعمال تيلنغان اورونلاری هم باردر تلمز ننگ قاعده سنه قاراغانده
 خدای ننگ بنده سی دیب کیراکدر غیر لرنی مونکار قیاس قیل * وبعض عرب
 کلمه لری دخی اصل اعراب اوزه قالمشلاردر مثلا حضورا بناء دفعه کله لری کبک
 ودخی کاها عرب کله لری تلمزده جمع حالتنده ایکان مفرد کله شیکللی استعمال
 قیلنده در مثلا عملار اولیالار کبک * ایمدی تلمزکا اعتبار قیلوب یخشی تفتیش
 ایتوب قاراساق معلومدر که تلمزده بولغان ابیات و اشعار و مقالات و معما
 یعنی الغاز غایت موزون ومسجع تصنیف قیلنده در عرب وفارسی الفاظی ننگ
 اعانتی بلان بلاغتنده وافادهء معنی ده غیر نلردن کیم توکلدر بلکه بعض خصوصده
 خاصیتی کوبراک بولغان اورونلاری هم باردر خصوصاً فعل بابنده (*).

Народная словесность татаръ.

Въ концѣ цитированной нами выше книги *فواكه الجلساء* авторъ приложилъ сборникъ татарскихъ народныхъ произведеній: пѣсень, пословицъ, поговорокъ и загадокъ, которыя представляютъ большой интересъ какъ въ томъ отношеніи, что онѣ знакомятъ насъ съ татарскимъ міросозерцаніемъ, такъ и со стороны языка.

Въ общихъ чертахъ поэзія татаръ имѣетъ много сходства съ творчествомъ другихъ инородцевъ, живущихъ по Волгѣ.

Такъ, пѣсни чувашъ и вотяковъ носятъ въ общемъ одинъ и тотъ же характеръ, какъ по формѣ, такъ отчасти и по содержанію. Можно даже встрѣтить нѣкоторыя татарскія, чувашскія и вотскія пѣсни, которыя какъ будто переведены одна съ другой. Это объясняется вліяніемъ татарской поэзіи, которое сильно сказалось на пѣсняхъ сосѣднихъ татарамъ инородческихъ племенъ.

Если взглянуть на поэтическія произведенія инородца, то туманность и непонятность построенія его пѣсней прежде всего бросаются въ глаза. Въ нихъ мы встрѣчаемъ отрывочность изложенія, безсвязность, неясность сравненій, странные переходы отъ одной мысли къ другой. Если вы спросите казанскаго татарина о различныхъ странностяхъ и курьезахъ, которые встрѣчаются въ его напѣвахъ, онъ скажетъ вамъ, что многое въ его пѣсняхъ не имѣетъ дѣйствительнаго смысла, а вставлено только «для украшенія», потому только, что «въ пѣснѣ нѣтъ прорѣхъ» (*جرنك یرتغی* (بق). Габдулъ-Кайумъ Насыровъ самъ иногда указываетъ на нѣкоторыя ихъ странности, которыя поражаютъ его, не смотря на то, что онъ самъ татаринъ и татарская поэзія — поэзія родного ему народа.

Такъ, въ одной татарской пѣснѣ поется о золотыхъ серьгахъ, жапли которыхъ падаютъ на руки ¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ о подвѣскахъ серегъ, которыя, дѣйствительно, могутъ иногда походить на повисшія водяныя капли, но капаніе ихъ на руки представляетъ своеобразную выдумку. Въ другой пѣснѣ говорится: «По берегамъ рѣки тальникъ растетъ, на листахъ тальника медъ» ²⁾. Все объясненіе этого стиха заключается въ томъ, что тальники по-татарски таллар, а медъ (собст. медъ, мн. ч.) баллар. Эти слова образуютъ собою любимое инородцами созвучіе, которому, какъ и римѣ, они жертвуютъ смысломъ пѣсни. Въ одномъ отрывкѣ встрѣчаемъ: «Изъ бѣленькой жемчужины слилъ я серебряный перстень» ³⁾, что уже совершенно невозможно. Подъ этимъ отрывкомъ Насыровъ помѣщаетъ слѣдующее примѣчаніе: *بو شعره دخی فهم اینولاسون که صدقدان* *کموش یوزوک جولای دیب بو شعره مخذوفلار بار در مضمونی بیله در کموش* *یوزوک قوبدرم قاشین صدقدن قوبدرم* (Въ этомъ стихотвореніи не нужно понимать такъ, что изъ жемчуга бываетъ перстень. Здѣсь есть выпущенныя слова, смыслъ пѣсни тотъ, что я слилъ серебряный перстень и камень вставилъ изъ жемчужины). Впрочемъ, комментаторъ замѣчаетъ, что «смыслъ перваго двустипія можетъ и не быть согласнымъ съ дѣйствительностью» ⁴⁾ *اولکی مصراع ننگ مضمونی واقع کا مطابق بولوق شرط توکلدن*).

Господство внѣшности надъ внутреннимъ смысломъ, набора звуковъ надъ содержаніемъ пѣсни вообще свойственно инородческой поэзіи: замѣтно увлеченіе «музыкою звуковъ». Напримѣръ, въ татарской пѣснѣ поется: «Не изъ Бугульмы-ли привезены твои гнутые браслеты?» ⁵⁾ Тутъ не столько имѣетъ значенія смыслъ, сколько игра словъ, такъ какъ по-татарски «гнутый» — бѣгѣльмя ⁶⁾.

1) *آلتونده آلفاناک قولاقده طامچی لاری تامه بلاکه که*

2) *صو بویلارنده طال لاربار طال یافراقنده بال لاربار*

3) *کموش یوزوک قوبدرم آب آق فنه صدق دین*

4) *فواکه الجلساء* стр. 549.

5) *بلازک لارنگ بوٹوله بوٹوله دین کیلکان توٹوله*

6) Болѣе подробныя разсужденія объ инородческой поэзіи можно видѣть въ моей статьѣ «Декаденты запада и поэзія волжскихъ инородцевъ» въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ за 24 янв. 1895 года.

Пѣсни, помѣщенные въ сборникѣ Насырова, касаются исключительно любовныхъ темъ. Въ нихъ татаринъ поетъ о красотѣ любимой женщины, о мучахъ страсти, о горестяхъ разлуки. Лицо красавицы уподобляется полному мѣсяцу, солнцу; ея пальцы—камышъ, ея брови—чернѣй черной смородины, щеки румянѣе костяники; станъ строенъ, какъ выросшій въ банкѣ цвѣтокъ, талія тонка, какъ у рыси, которая выбѣгаетъ играть на берегъ Камы.

Въ пѣсняхъ упоминаются черныя лѣса, гдѣ водятся черныя куницы, гдѣ поютъ по ночамъ соловьи на уединенныхъ поляхъ; тальниковыя заросли; поросшія тростникомъ озера, по которымъ плаваютъ бѣлыя лебеди и дикіе гуси.

Одною изъ характерныхъ особенностей татарскихъ пѣсней является частое упоминаніе въ нихъ сильно душистыхъ веществъ, запахъ которыхъ издаетъ тѣло возлюбленныхъ:

باديان بار موالله بورکنده

قلنفر ایسی کیلادر

«Пахнетъ гвоздику. Развѣ у тебя въ шапкѣ есть бадьянъ (китайскій анисъ)?»

کورکچ آیرلوب بولایدر

جمله بوینکا جفار سییکان

«Все твое тѣло посыпано мускусомъ; когда тебя увидишь, то нельзя отъ тебя оторваться!»

Здѣсь я привожу въ переводѣ нѣкоторыя изъ татарскихъ пѣсней:

«За чернымъ лѣсомъ стануть отряхиваться ласточки.—Если будешь искать, помни обо мнѣ, я буду по тебѣ тосковать.

Въ саду цвѣты плодовые, не плодовые, а махровыя.—Нѣтъ у меня кромѣ тебя милой, ей Богу, повѣрь моимъ рѣчамъ.

Въ саду поетъ соловей въ тальникѣ (!) изъ цвѣтовъ*).—Утромъ я вспоминаю о тебѣ, ночью вижу во снѣ. Душа моя, ты всегда у меня въ памяти.

На берегу Бѣлой Волги (Камы) выходитъ играть рысь.—Когда же твоя талія, такая какъ у рыси, попадетъ ко мнѣ на грудь?

*) Мнѣ не удалось узнать, какой цвѣтокъ называется بعدکل; بعده здѣсь не значить «послѣ этого».